

Исторический факт как фрагмент действительности (Логические заметки)¹

I

Проблема «исторического факта» — это одна из ключевых проблем теории исторического знания. Антиномичность, острота, напряженность этой проблемы вскрыта А.Я. Гуревичем в публикуемой в настоящем сборнике статье². Антиномия, фиксированная в статье А.Я. Гуревича, состоит в следующем.

В развитии исторической науки и историографии все отчетливее обнаруживается, что установление исторических фактов, доказательство того, что данное событие — это факт, а не кажимость, включение исторического факта в сложный контекст исторического процесса — все это требует активной, продуктивной, творческой работы историка. Чтобы установить факт, недостаточно иметь хорошую эрудицию и уметь отличить истинный документ от ложного, правдивое свидетельство — от извращений и позднейших напластований. Необходима система тонких идеализации, упрощений, сгущений, «изобретений». Необходима конструктивная созидательная деятельность мышления.

Исторический факт стоит не только в начале исследования, но и в конце его, потому что только в результате всего комплекса теоретических конструкций разрешается задача реконструкции исторического факта как момента реального исторического процесса. Причем именно в историческом знании проблема эта стоит особенно остро.

Необходимо реконструировать прошлое. Его уже нет. Оно не дано нам непосредственно, «визуально». Оно не представлено нашим чувствам. Глаза могут видеть документ или обломок колонны Траяна, но живую жизнь прошлого, социально-историческую Действительность, «фактическую сторону дела» реконструирует (конструирует) исключительно разум. Казалось бы, как ни крути, в современной действительности прошлое присутствует во всей своей исторической определенности неповторимости только в качестве «продукта» человеческой интеллектуальной, конструктивной деятельности, только как «образ прошлого».

Кажется бесспорным, что именно для исторической науки (в отличие от наук экспериментальных, от наук, имеющих дело с настоящим, могущих воздействовать на настоящее) факт это «образ факта», факт — это «высказывание о факте», факт — это «теоретическая конструкция».

Но ведь логический смысл любого высказывания о факте, любого утверждения — «это — факт» в том-то и состоит, что Я отличаю высказывание о факте от самого факта. Когда я утверждаю, что «это — факт!», я утверждаю, что данное событие действительно было, что оно существовало независимо от меня, от моих реконструкций, от моего знания о том, существовало ли оно или нет...

Ведь обычно утверждение о факте — это историографическое утверждение, утверждение исторической критики. Анализируя данное историческое произведение (или документ), мы сопоставляем его с чем-то вне его существующим и констатируем, что содержание этого исторического источника вполне объективно, т. е. существует независимо от самого этого источника.

Но здесь-то и возникают трудности. Оказывается, что, сопоставляя исторический источник с чем-то, вне его существующим, я творчески реконструирую (конструирую) это самое "вне", сопоставляю один продукт деятельности с другим продуктом деятельности...Как же быть?

Проблема предельно антиномична. Для того чтобы реконструировать (воспроизвести) историческую действительность (и факт как простейший фрагмент этой действительности), необходимо ее... конструировать, изобретать. Положение, казалось бы, безвыходное.

И эту безвыходность не стоит поспешно облегчать «переименованием проблемы». Дело от этого не станет легче.

Можно, конечно, сказать, что «факт» — это знание о событии, теоретический образ события, а вот историческое событие — это уже фрагмент самой действительности... Дескать, в обыденном сознании факт — это само событие, а в историческом анализе факт — это сложнейшая реконструкция (образ) события. Предположим, что это так. Но ведь проблема-то от этого ничуть не изменится. Проблема факта, как она возникла исторически и как она существует гносеологически — для исторической науки — это проблема реальности в противоположность кажимости, это вопрос о «мире по истине» в отличие от «мира по мнению». Это вопрос о возможности... знать факты (знать то, что знанием не является...), но не вопрос о возможности знать... знание. Но: «Факты — упрямая вещь». «Такова логика фактов». «Это — факт, а не реклама» — все эти расхожие фразы — не просто фразы. Они отражают реальность проблемы, от которой никуда не уйдешь.

Но, если даже допустить, что факт — это «образ... события» (которое действительно было, но которое мы воспроизводим в форме исторического факта), то все равно возникает вопрос: что же собой представляет это событие? И мы снова у порога проблемы.

Правда, проблема факта — это не только проблема «мира по истине» и «мира по мнению». Это также проблема цельной действительности и ее фрагмента («вырванного» из нее и как-то в себе «закругленного», замкнутого), это — проблема исторической связи, это — проблема действительности (по Гегелю и Марксу, действительность — это тождество сущности и существования) и простой констатации наличного бытия: «это было!». Но об этом позже. Точнее, об этом будет речь лишь в той связи, в которой все эти остальные аспекты входят в проблему «конструкция — реконструкция». Итак, мы утверждаем, что факт — это фрагмент самой, предстоящей исследованию, исторической действительности. И мы утверждаем, что факт устанавливается в процессе активной, творческой, конструктивной, созидательной работы историка. Но возможно ли совместить два эти утверждения?

II

Думается, существуют три гносеологических предрассудка, затрудняющих позитивное разрешение (и более глубокое воспроизведение) проблемы исторического факта. Эти же три предрассудка мешают развить достаточно строгую теорию исторического знания как своеобразной формы теоретического мышления.

Первые два предрассудка носят всеобщий характер, они лишь обостряются по отношению к исторической науке. Третий предрассудок специфичен для исторических реконструкций.

А. Для современной логики стало почти общим местом различие «объекта» и предмета познания (правда, в различных логических системах термины зачастую меняются местами, но существо дела от этого не изменяется).

По отношению к «историческому факту» такое различие совершенно оправданно проводит А.Я. Гуревич. Историк выделяет в непосредственно данном объекте (в исторической реальности, скажем, в социально-исторической жизни Франции XVIII в.) интересующий его предмет изучения (экономические связи — для одного историка, борьба Горы и Жиронды — для другого, взятие Бастилии — для третьего). Процесс этого выделения, очерчивание своего особого предмета познания проходит как активный, творческий процесс (отбор фактов, рассмотрение всей цельности социальной жизни под определенным углом зрения, и определенной проекции, условное отсечение всего «постороннего» и в пространственно-географическом и, главное, в хронологическом плане). Самое основное в этом вычленении собственного предмета исследования заключается в необходимости рассмотреть в историческом потоке событий определенную проблему, вопрос.

«Я не знаю, но хочу знать, в чем состоит причина этого события». Или: «Я хочу понять равнодействующую определенных социальных сил». Или: «Мне надо уловить, в чем состоит неповторимая цельность этой эпохи, несмотря на все ее разнородные характеристики и определения». Или: «Я хочу понять, выражением какого образа мыслей, типа человеческой личности выступил данный феномен культуры». Именно выделение таких проблем, таких теоретических или

конструктивных установок, загадок, предположений позволяет фокусировать временной поток, позволяет рассмотреть десятки разновременных событий как различные стороны одного события, позволяет объекту конституироваться в качестве предмета исследовательского труда. Сформулировать предмет исследования — это и значит определить тему своего исследования в форме вопроса.

Выделение предмета исследования является исходным в реконструкции исторического факта. Вне этой деятельности вычленения фрагмента из бесконечно сложной исторической действительности реконструкция исторического факта просто невозможна.

Казалось бы, что исторический факт в таком понимании это один из «аргументов» в решении проблемы, это фрагмент... знания, а не бытия, движения идей, а не движения самих событий.

Существенно, что такой ход мыслей (поскольку сам исследователь выделяет в естественном объекте и активно конструирует предмет, проблему, постольку предмет это определенность субъекта, но не определенность внеположного человеку и независимого от него объекта...), такой ход мыслей характерен сейчас не только для историка, он крайне типичен для трудностей современной математики, физики, механики. Трудности эти вполне объективны, и очень важно, что на них натолкнулась исследовательская мысль. Но согласившись с посылкой: «предмет познания конструируется в процессе познавательного труда, предмет — это проблема», невозможно согласиться с выводом, что предмет познания — это фрагмент знания об объекте, но не (?) фрагмент самого объекта. Этот вывод основан на предрассудке.

Обратимся к анализу процесса труда в «Капитале». Маркса: «Простые моменты процесса труда следующие: целесообразная деятельность, или самый труд, предмет труда и средства труда»ⁱⁱ.

Предмет труда — это естественный объект, это кусок внеположной человеку природы, но существующий как звено («простой момент», узел) трудового процесса; это фрагмент природы, на который направлено действие орудия, который подвергается обработке, который превращается в результате последовательных трудовых воздействий в «продукт труда»; это обломок мрамора, воспроизводимый (в качестве цели, проекта) и производимый как будущая статуя и как система превращений, трансформирующих в статую бесформенный обломок.

Иными словами, предмет труда — это объект, воспроизводимый не в своей непосредственной данности (не только в своей непосредственной данности) органам чувств, но как динамическая последовательность потенциальных превращений.

Воспроизводимый? Где? В сознании? Но тогда это действительно нечто «только идеальное», момент знания. Но мы не случайно не уточнили заранее, где именно «воспроизводимый». Объект природы существует и воспроизводится как предмет труда вполне объективно, но именно и только в таком объективном процессе, как процесс труда. Предмет труда — это объект плюс действия по его изменению, плюс вырывание (из земли), вырубание (из скалы), обтесывание (от «ненужных частей»), расплавление, давление, обжигание...

И столь же объективно в этот процесс включается воспроизведение предмета в сознании не только в том виде, в каком предмет есть, но и в том виде, в каком он должен быть, может быть (в качестве цели, «которая как закон определяет характер действий»ⁱⁱⁱ субъекта). Предмет труда, повторим еще раз, это объективное звено такого объективного процесса (субъектом совершаемого), как процесс труда. И только в контексте этого процесса («в пламени труда» — Маркс) обломок скалы или клубок пряжи обладает своим объективным качеством быть предметом труда. Это — объективность отношения (а не «вещи»), превращения (а не состояния). Это — объективность социальной связи. Предмет труда столь же объективен, как «стоимость», как «капитал», как «прибавочная стоимость». Это, по словам Маркса, «чувственно-сверхчувственная реальность...». Реальность предмета труда как объекта (фрагмента природы) и как цели, проекта («идеи»), — это два необходимых определения, два «фокуса» его реального существования в пламени труда, в системе: субъект — орудие труда — предмет — целесообразная деятельность — продукт труда.

Только как продолжение субъекта (его рук, ног, сил, действий), только включенный в практику, предмет труда может быть понят в своей действительной объектной определенности.

Внимательный читатель, наверное, заметил, что в определение предмета труда объективно входит познавательный процесс, входит превращение объекта в предмет познавательного труда. Объект лишь тогда существует как предмет труда, когда он воспроизводится в сознании не только «как он есть», но «каким он может и должен стать», воспроизводится в форме отрицания (в этом объекте следует то-то изменить, то-то отколоть, то-то расплавить, то-то трансформировать, чтобы он стал тем-то). И это воспроизведение в сознании есть воспроизведение вполне объективных возможностей, но открытых не ощущениям (непосредственно), а разуму, воображению, пониманию. В понятии воспроизводятся потенции, возможности предмета, действия, совершаемые с ним; воспроизводится совмещение настоящего «камня» и будущего «топора».

Так же обстоит дело и с любым предметом познания. Понятие о предмете познания (а не просто об объекте) воспроизводит объект как предмет, воспроизводит те качества и потенции объекта, которые объективно присущи ему в процессе его «переделки». Предмет познания вполне объективен, но это — объективность одного из узлов практической деятельности, это — объективность деятельности субъекта. Предмет — это именно фрагмент действительности ^), а не просто феномен существования.

В механике понятие «материальной точки» воспроизводит действительные качества объекта (движущегося тела) как момента практики, как производимого субъектом действия. Производя ядро, снаряд, подшипник, я производжу (отсекая все, не соответствующее цели) именно материальную точку — сосредоточиваю массу в наименьшем объеме, уменьшаю возможность трения, элиминирую «вредные» воздействия формы и т. д. и т. п. Конечно, этот процесс «в природе» никогда не будет завершен, но понятие материальной точки реализует в качестве «идеализованного предмета» те потенции, возможности, которые выявляются, усиливаются, обостряются в предмете, коль скоро он функционирует в качестве «орудия», в качестве «предмета труда», в качестве «продолжения субъекта».

Не материал ядра, не состав его, не фактура его (это все лишь средство к цели), но именно его способность действовать определенным образом, действовать в качестве материальной точки, его соответствие цели — вот что воспроизводится в понятиях механики.

Выявление в историческом объекте «предмета исторического познания» — это процесс включения историка в объективное историческое движение, это — определение исторической данности как исторической потенции.

Выделить предмет познания (проблему познания) — это не значит просто сформировать представление об историческом объекте (здесь — представление, там — объект), это значит выявить в объекте его предметность, понять историю как проблему, рассмотреть исторический процесс не только как объект, но и как субъект человеческого самопонимания и самоизменения. Предмет исторического познания «не менее» внеположен историку, чем объект, «не менее» событиям. Но внеположность истории по отношению к нашему познанию — это одновременно положенность истории человеческой деятельностью. И моя деятельность как историка — лишь один из моментов такого — продуктивного, а не просто репродуктивного — исторического творчества.

Так, анализируя основные особенности античного производства и устанавливая, что интегральным орудием этой эпохи был рычаг в форме топора, клина, подъемного винта, коромысла, тачек, щипцов, лебедок, руля, паруса, весел, пращи, ворота, катков, нагруженного блока и т. д. и т. п. ^{vi3}, мы все еще имеем дело с объектом. Но, когда мы ставим вопрос, что такое рычаг, как проблема, разрешаемая античным мышлением и античной деятельностью, тогда становится необходимым найти идеальную форму, таящую в себе все варианты возможных перемещений, тогда мы уже воспроизводим историю как предмет познания и деятельности. Воспроизводим в своей

познавательной проблеме проблемность, неразрешенность, потенциальность собственно-исторического процесса.

Б. В этом пункте мы невольно вошли в область второго гносеологического предрассудка, мешающего развить действенную теорию исторического знания.

Речь уже идет не столько о предмете познания, сколько о парадоксе: факт — теория. Коротко говоря, суть этого парадокса в следующем. Чтобы обнаружить, что данное событие (историческое, или физическое, или биологическое) — это факт, а не кажимость, не иллюзия, нам необходимо проделать громадную «очистительную» и конструктивную работу. Нам необходимо от иллюзий движения Солнца вокруг Земли (для зрения — это «факт») дойти до «уравнений» движения Земли вокруг Солнца (то, что это — факт, действительность, объективный закон, может быть обнаружено только на путях теоретической идеализации).

Обнаруживается, особенно в современной науке, что экс периментальная объективизация (очищение факта от кажимости), установление предметной ситуации «как она есть на самом деле» осуществляется вместе с тем как теоретическая объективизация (идеализация), формирование «идеализованного предмета», имеющего рациональный смысл только в контексте теоретической системы.

Движение от чувственных данных вглубь объекта есть одновременно (осуществляется одновременно как.) движение «от объекта», вглубь теоретических построений. Только в этом тождестве осуществляется определение объективной реальности, действительности во всей ее независимости от представлений и мнений отдельного субъекта.

В «камере Вильсона» мы непосредственно видим макротраекторию капель водяного пара; но в этой макротраектории мы «видим» (очамиразумая понимая) движение микрочастицы, осуществляемое не как видимое перемещение, а как превращение, трансмутация. Это установление факта возможно только тогда, когда я сам факт понимаю как объективную потенцию, когда в теоретическом образе предмета идеально воспроизводится не «наличное бытие» предмета — «вещи», но чувственно-сверхчувственные отношения (типа «стоимости»), т. е. воспроизводится объект в его потенциях.

Это и понятно. Практика означает конкретное тождество движения вещей и движения понятий («цель... как закон определяет способ и характер... действий...»vii). Идеализованный эксперимент, продолжаемый в голове, — это необходимое определение и завершение эксперимента предметно-чувственного.

Только вводя в определение предмета определение способа деятельности с ним (в физике — определение приборных действий), ученый способен выявить объективную значимость (содержание, независимое от сознания) научных понятий и утверждений.

А теперь о предрассудке. Состоит он в наивном убеждении, что факт — это то, что дано чувствам, то, что совпадает с ощущением. И далее, согласно этому же предрассудку, то в действительности, что открыто разуму, что воспроизводится на путях конструирования, идеализации..., это нечто чисто «идеальное», вторичное, необъективное.

Не будем сейчас говорить об истоках этого гносеологического предрассудка. Скажем коротко, — дело в непонимании принципиальной теоретичности всеобщей человеческой практики, дело в непонимании идеализующей силы практического деяния.

«Деятельность человека, составившего себе объективную картину мира, изменяет внешнюю действительность, уничтожает ее определенность (= меняет те или иные ее стороны, качества) и таким образом отнимает у нее черты кажимости, внешности и ничтожности, делает ее само-в-себеи само-для-себя сущей (объективно истинной)»viii. Соответственно, результатом нашего познания является не только изменение нашего знания о предмете, но и изменение самого предмета, вне нас

находящегося и нашим познанием (деятельностью в целом) трансформируемого. Однако предрассудок созерцательного материализма сильнее практического разума.

Предрассудок этот особенно губителен для исторической науки, факты которой — в прошлом, чувствам не даны, и реконструктивная миссия которой особенно актуальна.

И здесь второй гносеологический предрассудок (непонимание того, что изобрести, произвести предмет и означает... воспроизвести, отразить действительность в ее сути, в ее потенциях) переходит в третий коренной гносеологический предрассудок, — касательно самой возможности для ученого-историка иметь дело с реальным течением (ведь оно уже завершилось!) исторического процесса.

Остановимся на этой проблеме детальнее, так как здесь мы вступаем непосредственно в сферу проблемы собственно-исторического факта.

Вернемся к трудностям исторического познания, раскрытым в статье А.Я. Гуревича.

Напомним, что проблема начиналась с вопроса о том, возможно ли считать, что результатом реконструктивной работы историка (которая на поверку оказывается конструктивной работой) является не просто новое знание о действительности, но восстановленный фрагмент самой действительности, исторический факт как предмет и объект нашего познания, нашей деятельности. Здесь возникали две антиномии. Во-первых, на каком основании можно утверждать, что результатом реконструктивной работы (познавательной деятельности) историка может оказаться не только знание о факте, но сам факт, т. е., как мы договорились, фрагмент самой действительности? Во-вторых, как может получиться, что результатом этой работы будет факт прошлой действительности, факт уже давно произошедший, и в своей живой жизни, в акте своего осуществления простоне доступный для нашего восприятия и воздействия? Не мистика ли это? Какой реальный смысл имеет утверждение, что возможно (причем в результате познания) заново создать кусок действительности, которая давным-давно (или недавно, не в этом суть) ушла в прошлое, стала недействительной? И все же в положительном ответе на этот вопрос (и в его риторической части — «возможно ли?», и в его рациональной части — «на каких основаниях?») никакой мистики нет.

Вместе с источником (документом, летописью, археологической находкой) из прошлого в наше время попадает кусок, фрагмент, обрывок самой прошедшей действительности. Своей реконструктивной работой (сопоставлением и взаимодополнением многих источников, их мысленной и реальной «достройкой», заполняя белые пятна, исправляя искажения и счищая напластования произвольных интерпретаций) историк одновременно проделывает двойную работу. 1) Он устанавливает, что описанное в источнике или «донесенное» источником событие — действительно факт, т. е. что оно действительно было, происходило. 2) Он реально расширяет фрагмент прошедшей действительности, который попал в наше время, как бы увеличивает его историческую площадь, более полно воссоздает сам предмет познания, а не только углубляет знание, истолкование, понимание этого предмета. Чтобы разъяснить и развить сформулированную только что мысль, продумаем один простенький, но очень характерный момент реальной реконструктивной работы историка.

Среди берестяных грамот XI -XV вв., обнаруженных А.В. Арциховским при раскопках Новгорода, оказалась одна загадочная шифровка. Вот что было написано на бересте:

нвжпсндмкзатсцт
ееаиаеуаахоеиа

После многих попыток грамота была расшифрована. Надо было приставить к букве верхней строчки букву нижней, потом переходить к следующей букве в верхней строке, потом опять к нижней...

Недостающие гласные пришлось восстанавливать по смыслу. Грамота оказалась шуткой школяра XII или XIII в. «Невежа писа не дума каза, а хто се цита...»

Вдумаемся в теоретико-познавательный смысл (как нивысокопарно это звучит) подобной расшифровки.

Когда историк прочитал на куске бересты зашифрованную запись школяра, он не только получил новое знание об историческом факте, о том, что написано на бересте, о характере культуры XII в., о психологии людей эпохи; он расширил площадь самого фрагмента прошлого.

Историк восстановил еще один «угол» самого объекта (и предмета) познания. Исторически реальная надпись на бересте (исторический факт, независимый от сознания историка) — это не беспорядочный и бессмысленный набор букв, но осмысленная шутка древнего школяра: «Невежа писа...». И дело не только в том, что историк теперь может сказать: «Я знаю, что на бересте действительно написано то-то и то-то...». Дело в том, что в нашем времени теперь присутствует (в качестве факта) именно такая, действительно осмысленная берестяная грамота. Присутствует и актуально существует кусок быта XII в. вместе с характерным грубоватым юмором, розыгрышем, «обрывком» взаимоотношений. Присутствует тот самый предмет — «эллипс», предмет — отношение, который характерен для социальной действительности. Однако, для разума, воспитанного в предрас-судках, все, что обнаруживается на бересте в результате такой работы, представляется не действительным, а «недействительным», не фактом, но знанием о факте. Как же иначе, ведь все это содержание — результат нашей субъективной деятельности, оно зависит от нас, оно может быть истинным или ложным, оно производно по сравнению с «упрямым фактом» — куском бересты с врезанными в него полосками. Эти опасения и предрассудки («действительно только то, что я вижу») связаны с укоренившимся вещественным, бытийным представлением о действительности.

Вещь, на которую можно ткнуть пальцем, — вот это бесспорно объективный материальный предмет. Что касается такого «предмета», как социальное отношение, и нас, и нашу деятельность включающее в свою орбиту, это уже нечто похожее «на субъективность», нечто странное и неуловимое...

Между тем секрет заключается в следующем. Содержание надписи на бересте (в нашем примере) — это определенное отношение между автором письма и его читателем. Действия по расшифровке этой надписи, сами затруднения в этой работе, неверные ходы и запутанные тупики — все это входит в действительное содержание данного факта. Расшифровав (а главное, расшифровывая) эту надпись, исследователь включает в систему отношений. Больше того, он оживляет ту систему отношений, которая и составляет суть данного факта как фрагмента действительности. Какой действительности?

Прошедшей? Или настоящей? «Или — или» здесь только путает карты. Включаясь в современную нам действительность, включаясь в определенную деятельность современного историка, кусок бересты оживает как фрагмент прошедшей действительности. Факт истории — это момент социальной связи. Активно воспроизведя эту связь, оживляя оба «полюса» данного, социально-значимого, предмета, я одновременно понимаю этот исторический факт и воспроизвожу его, расширяю площадь прошедшей действительности в связях и срезях действительности моего времени. Я воспроизвожу исторический факт по законам его произведения, я действую так, как действовали люди прошлого (расшифровывая эту надпись), для которых этот исторический факт существовал как определенное, пускай ничтожно малое, социальное отношение.

Причем моя деятельность, включаемая в содержание этого факта, все время сохраняет вполне объективный, определяемый ее содержанием характер. Конечно, человек действует (расшифровывая надпись) вполне сознательно; он может эту надпись совсем не расшифровывать, но сама деятельность читателя и сама необходимость расшифровки входят объективно детерминированным звеном в социальное содержание данного факта (т. е. зашифрованной надписи).

Расшифровывая исторический факт, мы включаем в современную действительность фрагменты действительности прошедшей тем самым раскрываем историзм современности. Мы сами развиваемся как культурные субъекты, т. е. субъекты, прожившие долгую историческую жизнь (100, 300, 1000 лет). Мы действуем как исторически памятьные субъекты.

Факт независим от нашего знания о нем, но факт (данный факт берестяная грамота) включает в себя деятельность современного исследователя (или любого другого субъекта, скажем, школяра, жившего в XII в.), деятельность по расшифровке; этот факт не узоры на дереве (не «вещь»), но социальное отношение, скрытое за твердой вещной оболочкой. Это отношение — отношение между людьми с их сознанием, волей, с их целенаправленной деятельностью.

Включение нашей деятельности в реальное бытие факта (распредмеченного как отношение, как возможность) есть вместе с тем и именно благодаря этому его познание. Чем большую «площадь» исторического факта мы воспроизводим, тем больше мы знаем о нем. Пока перед нами лежит береста с бессмысленной надписью — это небольшой уголок прошедшей действительности (открыв этот факт, мы знаем, к примеру, что многие простолюдины X в. умели писать). Включение же надписи в отношение «дешифровки» есть воссоздание предмета — социальной связи, есть реконструкция большего фрагмента действительности и одновременно есть добывание большего знания об этом фрагменте. Дело здесь не в дешифровке загадки, как таковой. Дело именно в необходимости включения историка в реальное социально-историческое отношение.

Вот другой, более серьезный материал для размышления. Такой исторический «факт», как личность Сократа, возможно воспроизвести как факт, как нечто внеположное самому историку, как нечто объективное, только если мы будем подходить к Сократу не как к вещи, но как к «действующему» лицу, если мы включимся в цельный процесс социально-исторических отношений, от V в. до н. э. к XX в. н. э.

Сократ исторический — это не Сократ физиологический (его действительно не восстановишь), это Сократ легенды, Сократ Платона и Сократ Аристофана, Сократ социально значимый.

Андре Боннар очень точно определяет эту ситуацию: «Имеем ли мы... право называть историческим Сократом того единственного Сократа, который родился в 469 году от повивальной бабки и оставался загадкой для своих современников и очень долго для самого себя до того дня, когда яд и несправедливость в 399 году сомкнули его уста? Подлинный Сократ — ...исторический Сократ — тот, кто воздействует на историю мысли, воздействует на нашу человеческую историю всякий раз, как мы к нему приближаемся через посредство тех, кто говорит о нем. Сократ исторический и Сократ легендарный — одно и то же существо, существоживое, поскольку оно действует... Именно поэтому сократовская проблема остается образцом исторической проблемы. В самом деле, разве нельзя сказать про все исторические факты, что они всегда... являются «созданиями» истории? И тем не менее это факты. Они действуют...

Исторический и легендарный — он един, и таким я буду его рассматривать, руководствуясь в выборе свидетельств о нем тем толчком, который получен мною — и не только мною, но и историей человечества»^{ix4}.

Дело тут не во «вчувствовании». Дело просто в том, что реконструкция исторического факта только тогда и будет иметь научное значение, когда историк сумеет по поводу этого факта, используя этот факт как точку действительного контакта между собой и историей, включиться в реальное социальное отношение, причем отношение типа «обратной связи», какое бы гигантское историческое пространство это отношение ни пронизывало своим силовым полем.

Реконструкция исторического факта — это процесс освоения, с точки зрения своей эпохи, всего того движения, пробега всемирной истории, который фокусируется вокруг изучаемого факта и который выступает сегодня не в качестве «снятого» культурного наследия, но в качестве «относительной одновременности» (ср. Эйнштейн) прошлых и современных событий. Факт реконструирован лишь

тогда, когда (как в примере с берестой) деятельность «дешифровщика» включается в определение исторического значения этого «факта», во всей его социальной неповторимости.

Впрочем, последние абзацы — не столько заключение, сколько вступление в собственную диалектику (« механизм ») исторической реконструкции.

Логическую необходимость только что сформулированных утверждений возможно раскрыть только на основе дальнейших исследований. Здесь же просто хотелось еще раз — логически — переформулировать саму проблему исторического факта.

i См. указ. в прим. 2 статью А.Я. Гуревича.

ii Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. М., 1960. Т.23. С.189.

iii Там же.

iv Напомним, что для Маркса «субъект» — это не один только «теоретизирующий разум» (как у Гегеля), это — весь человек в сплетении его общественных связей, это — способ действий человека, это, если говорить языком Спинозы, *naturanaturans* — «творящая природа», но отнюдь не спиритуалистическая духовность. Субъект в этом смысле не менее объективен, чем ...объект.

v См. статью Л.Л. Гуревича в настоящем сборнике. С. 82-83.

vi vi См. Механические проблемы «Псевдо-Аристотеля». — Зубов В.П., Петровский Ф.А. Архитектура древнего мира. М., 1940.

vii Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23. С.189.

viii Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С.199.

ix Андре Боннар. Греческая цивилизация. Т. II . От Антигоны до Сократа. Перев. с франц. М., 1959. С.278-279.

1 Статья опубликована в сб.: Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. М., 1969. С. 89-101.

2 Гуревич А.Я. Что такое исторический факт? // Там же, С. 71-88.

3 Детальнее см. АРП.

4 На ту же тему ср. статью И.Д. Рожанского «Загадка Сократа», опубликованную в альманахе «Прометей», № 9. М., 1972. С. 71-95